

УДК 811.161.1

*Н.Н. Приступа***СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ В XI-XVII ВВ.**

В статье предпринята попытка выявить структурно-семантические особенности русской финансово-кредитной терминосистемы в диахронической перспективе. Определен состав лексики русского языка XI-XVII вв., соотносимой с названной сферой деятельности. Выполнено исследование парадигматических связей и лексико-семантической вариативности в лексической подсистеме со значением финансово-кредитных отношений. Установлены характерные особенности анализируемой терминосистемы на начальном этапе ее формирования, обусловленные как общими тенденциями развития русского языка в донациональный период (наличие большого количества синонимичных и дублетных обозначений; лексическая вариантность), так и спецификой складывания финансово-кредитной лексики (полисемантность большей части обозначений; энантиосемия базовых терминов-полисемантов). Анализ семантики и формы обозначений финансово-кредитных отношений позволяет констатировать, что однозначность как одно из основных требований, предъявляемых к термину, в исследуемый период еще не находит регулярного выражения. Причины такого состояния данной терминосистемы носят как экстралингвистический характер (отсутствие строгих норм в сфере финансово-кредитных отношений), так и интралингвистический (сосуществование в старорусском языке народно-разговорной и книжно-славянской языковой стихии).

Кредит относится к числу важнейших категорий экономической науки в силу уникальной роли этого явления не только в хозяйственном обороте, в национальной и международной экономике, но и в жизни человеческого общества в целом. Кредитные отношения имеют сложную историю, отражающую развитие экономических связей в обществе. Термин *кредит* происходит от латинского *creditum* ('верую, доверяю' и 'долг, ссуда'), но история самого явления насчитывает более трех тысячелетий: кредит был известен уже в Ассирии, Вавилоне и Древнем Египте [1, с. 124].

На восточнославянских землях исторически первоначальной формой кредитных отношений является ростовщичество. Сведения о кредитных отношениях фиксируются в различных деловых памятниках Руси XI-XVII вв. Так, уже в первом варианте свода древнерусского законодательства «Русской Правде» (1016 г.) имелась статья, регламентирующая взаимоотношения кредитора и недобросовестного должника [2, с. 87–112]. В 70-е годы XI в. более объемная «Пространная Правда» уже содержала 8 статей, посвященных проблемам долга, кредита, купли-продажи, хранения товаров [3, с. 232–261]. Там же фиксируется первое упоминание о договоре займа, различавшего заем вещей и денег, и договоре кредитования (под проценты и без) [2, с. 90–112]. Займу и кредиту уделяется большое внимание и в документах Московского государства («Судебники» 1497 г. и 1550 г., «Уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г. и др.). Договорные грамоты русских князей конца XIV – начала XV вв., регламентировавшие их взаимоотношения по земельным, имущественным и другим делам, включали формулу: *А холопе, робе, данному, заемному, поручному, земле, воде суд отъ века* [4, с. 42, с. 88]. Эта формула выступает доказательством давнего существования в средневековой Руси института займа, заклада и поручительства.

Само собой разумеется, что уже с начала письменности в древнерусском языке начинается и формирование соответствующих средств обозначения понятий, связанных с кредитом. Будущая терминосистема складывается в лексической системе донацио-

---

Научный руководитель – А.А. Кожина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета

нального языка как особая тематическая группа, включающая, во-первых, обозначения долга, займа, ссуды и их разновидностей, во-вторых, личные номинации, называющие участников кредитных отношений, и, наконец, обозначения предметов (документов, материальных ценностей), фигурирующих в названных отношениях. Потенциальные терминологические единицы на этапе зарождения финансово-кредитной терминосистемы формируются, как правило, из отдельных лексико-семантических вариантов синкретичных по значению слов.

В настоящей статье сделана попытка выявить и описать некоторые специфические черты структурно-семантических отношений терминологических единиц в пределах рассматриваемой подсистемы, в частности, таких базовых понятий терминосистемы кредитования, как заем и ссуда, а также их разновидностей. Материал для анализа извлечен в процессе сплошной выборки из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и из «Материалов для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского.

Древнейшим термином в системе кредитования XI–XVII вв. является слово *дѣльгъ*. Это общеславянское по происхождению существительное, выступающее в разных вариантах (*дѣльгъ; долгъ; дльгъ; дѣльгъ*), зафиксировано в древнерусских текстах с XI в.: *и пѣназь дѣльга* (1076 г.) [5, с. 121]. Согласно лексикографическим справочникам, семантическая структура лексемы *дѣльгъ* включала широкий спектр значений: 1. 'взятое или данное взаймы (преимущественное о деньгах); 2. то, что надлежит выплатить'; 3. 'дань'; 4. 'задолженность' [4, с. 295]; позже, в памятниках XIV в. – 5. 'денежное обязательство' (*А долгъ бесерменьскыи, и проторъ, и русскыи долгъ, а то ны подъянати по тому же по розочту* (1389 г.) [4, с. 296; 6, с. 909]. Это может свидетельствовать о первоначальной нерасчлененности, синкретизме кредитных отношений.

Кроме слова *долгъ*, обладающего наиболее общим значением, в древнерусском языке существовали лексемы, в семантике которых происходило уточнение общеродового понятия: это отглагольные существительные *заимъ* ← *заимати* (*И па(к) дажь заимъ* близьнемоу въ врьма потрѣбы его (XII–XIII вв.) [5, с. 121] и *заимование* ← *заимовати* (*се бо нынѣ врьма есть заимованию* (XII в.)) [4, с. 204].

При займе одна сторона передавала другой в собственность вещи, определенные родовым качеством (весом, сортом, мерой, суммой) с обязанностью заемщика по истечении времени возратить столько же вещей того же качества или такую же сумму денег. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» термин *заимъ* имеет значение 'взятие или ссужение чего-либо в долг': *Иже заимъ сътвори тужащимъ утѣшения слово, иже щюжего въ свою хлѣвину прия... се дѣлесе подражаите* (XII–XIII вв.); *Не работаютъ дети алчбника, осиревше займа ради отца* (XIV в.) [4, с. 201–202]. Конверсивная энантиосемия, отмеченная для данного существительного, является исключительно особенностью семантической структуры этого слова и некоторых его дериватов, поскольку производящий глагол *заимати/заяти* обладал лишь значением 'взять в долг' [4, с. 342]. (Подобное наблюдалось и в старославянском языке: ср. (*въ*) *заимъ дати* и *въ заимъ възати*, но глаголы *заимати/заяти* имели только значение 'взять взаймы' [7, с. 234]). Лексико-фонетический вариант *заемъ* (с восточнославянской огласовкой напряженного *и* в сильной позиции), употреблявшийся в конструкции *въ заемъ*, и лексема *заимование*, являющаяся дериватом глагола *заимовати*, также обладали только значением 'взятие взаймы' [4, с. 204].

Энантиосемия отмечена и в семантике деривата *заимникъ*, которое реализовало значение 'лицо, давшее или взявшее взаймы' в зависимости от ситуации (*Не радуеть бо ся тако заимникъ, должницы имѣя* (XII в.); *Еп(иско)пъ или поп или диякон лихвы*

прося у заимника ли да останеся или да извержется (XVI в.) [4, с. 202]. Однако в XV веке, согласно лексикографическим показаниям, зафиксирован лексико-фонетический вариант рассматриваемого слова – *заемникъ* [4, с. 191], а также лексико-словообразовательные варианты *заимщик/заемщик*, которые уже обладают только одним значением: ‘лицо, взявшее в долг’ [4, с. 192, 203]. Этот факт примечателен как свидетельство начинающегося уточнения терминологии, «снятия» избыточной многозначности. В древнерусском языке, кстати, уже с XII в. функционируют слова *заимодавецъ* и *заимодатель* [4, с. 203] (ср. также в старославянском *заимодавьць* [7, с. 226]), предназначенные для обозначения только дающего займа, на что непосредственно указывает их словообразовательная структура и внутренняя форма.

В XVII в. зафиксировано также существительное *позычание* в значении ‘заем’ [4, с. 128], производное от глагола *позычити*, который встречается в древнерусских письменных памятниках с 1388 г. [6, с. 388]. Вероятно, в старорусский язык глагол пришел из польского языка, где *pożyczyć* ‘брать займы, давать займы’ родственно слову *pożytek* ‘польза, выгода’ [8, с. 304]. Таким образом, формируется синонимический ряд *заимь/заемъ, заимование, позычание*.

Отмеченные примеры позволяют считать, что отличительными чертами анализируемой терминосистемы в период ее формирования являются дублетность, наличие синонимов, а также лексико-фонетическая и словообразовательная вариативность.

С развитием сферы финансово-кредитных отношений терминосистема пополняется лексемами, которые уже не дублируют значение существующих в языке слов, а служат для уточнения формы кредитования. В Московской Руси знали простой заем, осуществлявшийся при свидетелях, и заем под обеспечение имущества.

Первая разновидность носила название *порука* (вид займа, когда гарантом возврата ссуды выступало третье лицо – *поручникъ*) (от глаголов *ручати* и *ручатися* ‘брать на себя ответственность за кого-либо, давать поручительство’): *И вы бы досталь по кабаламъ доправили на Петровыхъ поручикъхъ, хто Петра Смита у васъ ручаль* (1568 г.) [4, с. 140]. При поручительстве оформлялась *заручная память* – документ, на котором ставило свою подпись лицо, взявшее на себя обязательство.

О существовании займа под обеспечение имущества свидетельствует наличие синонимичных терминов – отглагольных существительных *залогъ* (от *заложити*), *закладъ* (от *закласти*), *заставка* (от *заставити*) в значении ‘имущество, ценности, под которые выдается заем’: *Дастъ [Сава] польцаты въ залогъ, гля, аще не отдамъ утро всея цѣны да погублю залогъ*. (XIII в.); *Взято на Блину да на Филке заставки за пуд гривна* (1596 г.) [4, с. 301]. Наиболее употребительным термином был, судя по наличию дериватов (прилагательных *закладной, подзакладной и завкладный*), термин *закладъ*.

Производное прилагательное *закладной* имело два значения: 1. ‘относящийся к закладу, имуществу, ценностям, под которые выдается ссуда’: *А кто коли заклад; положит в пѣнезех, что любо, а по томъ время не имеет пѣнязи отдавати, а своего заклада просить, и он запрется его закладу... ино той суд какъ... ему закладную цѣну цѣною положить у кр(ь)ста...* (XV в.) [4, с. 211]; 2. ‘отданный в залог в обеспечение выполнения обязательств (об имуществе, ценностях)’: *На Василье Носковъ за закладной крестъ и перстень золотые выкупу взято пять рублевъ* (1607 г.); *А будетъ мы тѣхъ заемныхъ денегъ на тотъ срокъ не заплатимъ... волно ему Андрѣю тѣ наши закладные мѣста въ Зѣмскомъ приказѣ за собою записать* (1682 г.) [4, с. 212]. Слово *закладной* входило также в состав терминологических сочетаний, обозначающих документ о займе, обеспеченный залогом, сравн.: *закладная грамота (кабала, доска, память)*: *И нося ему грамота закладная на ту деревню и дерная* (1487 г.). *А кто*

на комъ иметь сочит(ь) съсуднаго серебра по доскамъ, а сверхъ того и заклад положит... поле через заклад не присужати, а **закладных доскъ** не посужати (XVI в.); А нѣтъ тово моего дворца... ни в **закладных памятех** ни в **кабалах**, ни в каких крѣпостях (XVII в.) [4, с. 211]. Деньги, взятые или данные под заклад, обозначал составной термин *подзакладные деньги*: ...Взято у кондушанина Терешки Нефедова **подзакладных денег** старца Дорофея одинънатцать алтынъ (1659 г.) [4, с. 260].

Лексема *ссуда*, образованная от глагола *ссудити*, обозначала специфическую разновидность долговых отношений и со значением ‘заем, ссуда’ впервые упоминается в XIV в.: *Дайте легько, по три коуны на гривъну, аще ли боле, того не повельвае, то ссуда не будетъ межъ вами* (XIV в.) [6, с. 833]. Ссуда предполагала передачу в пользование какой-либо вещи при условии ее возврата в том же виде с учетом износа, вызванного ее употреблением. Вещественный характер ссуды, в отличие от лексем *дѣлгъ* и *заимъ*, для которых не отмечено устойчивых сочетаний, обуславливал устойчивое употребление лексемы *ссуда* с определением, указывающим на ее материальную разновидность: ссуда могла быть *денежная, хлебная, животинная* и т.п.: *Давыдъ... дастъ крестьяномъ денежной и хлѣбной и животинные ссуды, а кто роду моего вотчичъ у него Давыда... похочетъ взять на выкупъ... взять на томъ выкупицикъ... и крестьянская ссуда вся сполна* (1668 г.) [4, с. 169].

Существовали также специальные лексемы для обозначения различных разновидностей подобной передачи собственности. Например, товарная ссуда именовалась *гостинецъ* (упоминается с XV в.). В отличие от денежной ссуды *гостинецъ*, по-видимому, не сопровождался взиманием процента: *А которому ч(е)л(ове)ку на комъ будетъ имание по записи, да и гостинецъ будетъ писан на записи* (XVI в.) [4, с. 105]. *Гостинцу* в более ранних памятниках, очевидно, соответствовало терминологическое сочетание *истый товаръ* – ‘товар без процентов и прибыли, приобретенных в результате перепродажи товара или дачи его взаем’: *Аже буд(у)тъ в дому дѣти мали... а мати имъ поидеть за мужъ то кто имъ ближии будетъ, тому же дати на руцъ и с добыткомъ и с домомъ, донель же возмогутъ; а товаръ дати перед людми, а что срѣзтитъ товаромъ тѣмъ ли пригоститъ, то то ему собѣ, а **истый товаръ** воротитъ имъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловалъся ими* (XIV в. ~ XII в.) [4, с. 340].

Для именованя денежной ссуды употреблялась составная номинация *переводное серебро*: *А кто будетъ дан на поруце, или кабалы на них или **серебро переведено**, и тобѣ, г(о)с(поди)не, порука, и кабалы, и **переводное серебро** с нихъ свести* (1442 г.) [4, с. 84]. *Серебро* – кабальное обязательство, ставящее условием, кроме выплаты долга в определенный срок, выполнение каких-либо видов работ (*серебро издѣльное*) или выплату процентов (*ростовое серебро*): *А что в моих селех на Вологдѣ и въ Торустѣ на хр(е)стианех мое **серебро издѣльное** и **ростовое** и мое жито на них заемное и оброчное... и яз то свое серебро и жито все отдал* (1481 г.) [4, с. 85].

Крестьянин, получивший от землевладельца при поселении на его земле денежную ссуду (*переводное серебро*) под обязательство и, кроме выплаты долга, выполнявший определенные работы, именовался *серебреникъ*: *Бил ми (князю) челом отецъ мой игумен Касьян... а сказывает, что у него отказываете (наместники князя) людей монастырьских **серебреников** и половников и рядовых людей юрьевских. А отказываете не о Юрьеве дни* (1448–1470 гг.) [4, с. 81].

Сама же лексема *ссуда* не имела дериватов, обозначающих участников этого процесса. С XV в. в памятниках отмечен дериват *ссудный* в значении ‘данный или взятый в долг’: *Кто на комъ иметь сочит(ь) съсуднаго **серебра** по доскамъ, а сверхъ того и заклад положи* (XVI в. ~ XV в.) [4, с. 170]. В значении ‘относящийся к ссуде’ это сло-

во входит с XVII в. в состав терминологического сочетания *ссудная запись* или субстантивирова́тся в форме *ссудное* (‘документ о получении ссуды, выдаваемый должником кредитор’): *Да на тѣхъ же де ихъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, хотя укрѣпити ихъ впередъ за собою, имали на нихъ ссудные записи и всякие крѣпости в большихъ ссудахъ и займахъ* (1642 г.); *Даетъ на себя (Василий Игнатъев) и на братью свою ссудною изъ воли* (1642 г.) [4, с. 170].

Специфическими видами ссуды, обусловленными существовавшими в рассматриваемый период хозяйственными и товарно-денежными отношениями, были *купа* и *заживъ*, т.е. обязательство отработать проценты на взятое займы.

Купа – ‘ссуда, долг’ – феодальный вид ссуды, которую брали преимущественно крестьяне у землевладельцев: *Но еже дадъ ему (закупу) господинъ плугъ и борону, от него же купу емлетъ, то погубившее платити* (XIV в.) [4, с. 124]. Человек, взявший купу, назывался *закупом* и попадал в зависимость от феодала, которая устанавливалась договором и сопровождалась выдачей феодалом *закупу* денег, подлежащих возврату, если *закупъ* пожелает уйти от хозяина: *Аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то без вины есть* (1282 г.) [4, с. 227]. Именно закупничество вело к превращению крестьян в крепостных. Аналогично передачу лица кредитором в услужение для отработки данных займа денег обозначало слово *заживъ*, например, существовала формула *въ заживъ (отдати): Отданъ онъ Патрикейка ему Карлу съ женою и съ дѣтьми и съ дворомъ въ заживъ за 200 руб. головою* (1695 г.) [4, с. 194]. Этимология и образование существительных *закупъ* и *заживъ* не совсем ясны. Вероятно, как отмечает М.Г. Булахов, первоначально это были формы родительного падежа кратких прилагательных (*живъ* и *купъ* – последнее от существительного *купа* ‘ссуда, долг’) при предложно-падежной форме существительного, которые адвербиализировались (этот процесс, имевший место в старобелорусском языке, описан Е.Ф. Карским), а в дальнейшем субстантивировались [9, с. 312-319].

Как видим, терминосистема, связанная с обозначением кредитования, представлена именами, находящими между собой в различного рода синонимических отношениях. Некоторые лексемы являются дублетами, не вносящими дополнительных оттенков значения, однако другие возникают для называния различающихся друг от друга кредитных отношений, т.е. реализуют основное назначение термина – обозначать специальные понятия, связанные с определенным родом деятельности.

Глагольная же лексика демонстрирует, скорее, дублетные отношения, поскольку производный от лексемы *долгъ/дѣлгъ* глагол *должити/дѣлжити* (‘брать в долг, занимать’ [4, с. 170]) имеет большое количество соответствий, практически не отличающихся от него семантически. В памятниках деловой письменности XIV–XV вв. с аналогичным значением зафиксированы глаголы *займовати/займывати, занимати, займоватися, заимствовати, зычити, позычити*: *Сказываетъ, заимоваль у того Ивана рожъ, и онъ приѣзжалъ тое ржи платитъ* (1559 г.); *Братья де и слушки въ монастыръ и по селамъ кормятца, займучись, овсянымъ хлѣбомъ* (1676 г.) [4, с. 204]; *Князь Ондръи у меня денги заимываль и ту отчину свою заложилъ* (1547 г.); *И отвѣтчикъ сказалъ: денегъ не займываль и памяти такой писать заемной не веливаль* (1671 г.) [3, с. 205]; *Хотящему у тебе заимствовати не отвратися* (XVI в.) [4, с. 203].

В текстах XVI в. в качестве синонимов глагола *должити/дѣлжити* ‘ссужать, кредитовать’ употребляются собственно русские лексемы *ссудити, ссужати* и старославянский глагол *ссуждати* ‘ссудить, дать в долг’: *А у сусѣда и у своего христианина чего не достало на стѣмена, и лошади и коровы нѣтъ, или г(о)с(у)д(а)рьския дани нѣчем заплатите, ино его подмочи и ссудити* (XVI в.); *А жилцов нам друг у друга не перезы-*

вати и... в долгъ... не дават(и) и не **ссужати** (1583 г.); *Никто насъ... не ссуждаетъ* (1696 г.) [4, с. 170]. Отмечена и возвратная форма глагола *ссуждати* – *ссужатися*, имевшая значение ‘давать в долг казенное имущество для извлечения общей с получающим выгоды, а также брать себе во временное пользование’: *А у нашихъ бояръ и у приказныхъ людей и у гостей и у торговыхъ людей заимовали твои люди торговые... многие денги, болии пятаццати тысячь рублевъ, а всть наши бояре и приказные люди давали имъ и ссужались и ихъ любили* (1587 г.) [4, с. 170].

Таким образом, наличие иерархических, а также синонимических и антонимических связей и отношений в кругу анализируемых слов дает возможность считать тематическую группу лексики финансово-кредитной сферы потенциальной терминологической системой. В рассматриваемый период она формируется главным образом на основе внутриязыковых ресурсов: народно-разговорной и книжно-славянской лексики. Значительную часть рассмотренной лексики составляют синонимы-дублеты. Наряду с синонимами, обозначающими различные виды финансово-кредитных отношений, встречаются и семантически совпадающие дублеты, формальная вариативность которых вызвана позиционными или историческими чередованиями звуков, действием словообразовательных процессов, конкуренцией собственно русских и старославянских лексических единиц, отсутствием стандартного литературного языка. Антонимия в кредитно-финансовой лексике проявляется на понятийном уровне, поскольку в основу кредитных отношений положены противопоставленные друг другу заемно-ссудные операции. Это находит выражение в энантиосемичной семантике лексемы *заимъ* и ее дериватов.

В анализируемой тематической группе, однако, не находит регулярного выражения одно из основных требований, предъявляемых к термину, – однозначность. Следовательно, к XVII в. специализированный лексический пласт, соотносимый со сферой кредитно-финансовых отношений, еще находится в состоянии развития, что обусловлено как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История России с древнейших времен до 1861 года : учеб. для вузов / Н.И. Павленко [и др.]; под ред. Н.И. Павленко. – М. : Высш. шк., 2000. – 560 с.
2. Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1953. – 192 с.
3. Юшков, С.В. Памятники русского права : в 8 вып. / С.В. Юшков, А.А. Зимин, В.Ю. Сафронов; под ред. В.Ю. Сафронова. – М., 1952–1963. – Вып. 4: Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV–XVII вв. – 632 с.
4. Словарь русского языка XI–XVII : в 28 т. [Электронный ресурс] / Этимология и история слов русского языка, ИРЯ РАН 2007–2012. – М., 1975–2006. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>. – Дата доступа: 12.11.2012.
5. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / Р.И. Аванесов (гл. ред.). – М. : Рус. яз., 1990. – 10 т.
6. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И.И. Срезневского : в 3 т. [Электронный ресурс] / Этимология и история слов русского языка, ИРЯ РАН 2007–2012. – СПб., 1989. Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>. – Дата доступа: 15.12.2013.
7. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / редкол.: Р.М. Цейтлин [и др.]. – М. : Рус. яз., 1994. – 844 с.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 3. – 828 с.

9. Булахов, М.Г. К характеристике словообразовательных типов наречий в старобелорусском письменном языке / М.Г. Булахов // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. – М. : Наука, 1974 г. – 365 с.

Prystupa N.N. Structural and Semantic Peculiarities of Financial and Credit Term System in the XI-XVII Centuries

An attempt was made in the article to detect the structural and semantic peculiarities of the Russian financial and credit term system in the diachronic perspective. The article determines the structure of the correlated with the mentioned sphere Russian vocabulary in the 11-17th centuries. The research of paradigmatic relations and lexical-semantic variation of the lexical subsystem dealing with the financial and credit sphere is done. The article specifies the peculiarities of the analyzed term system in the initial stage of its establishment, which are caused by general tendencies in the Russian language development during the prenatal period (a great number of synonyms and doublets, lexical variation are typical of the period) as well as by a specific character of financial and credit vocabulary building (polysemanticity of most naming units; enantiosemy of basic polysemantic terms). Semantics and form analysis of financial and credit naming units allows to state that monosemanticity being one of the main requirements for a term doesn't occur on regular basis within the said period. It was concluded that the cause for such state of the term system under research is both of extralinguistic (lack of strict literary standards in the sphere of financial and credit relations) and intralinguistic character (co-existence in the Old Russian language of folk-spoken and literary Slavonic linguistic elements).

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 06.03.2013